

"Военные рассказы графа Л. Н. Толстого" Спб., 1856 - "Губернские очерки" Н. Щедрина ("Русский вестник", 1856, N 16 и 18)

Дружинин А. В. Литературная критика / Составление, подготовка текста и вступительная статья Н. Н. Скатова; Примеч. В. А. Котельникова. - М.: Сов. Россия, 1983. (Б-ка рус. критики).

[OCR Бычков М.Н.](#)

Во всех литературных и во всех новых литературных поколениях (пока эти поколения не состарились) бывает заметна рутина особого рода, которую всего приличнее назвать рутинной заносчивости. Мы все видали, и у нас, и в Германии, и во Франции, целые кружки писателей и ценителей, положительно убежденных в том, что ими одними движется вся словесность их родины, что перед их деятельностью меркнет деятельность предыдущих периодов словесности, что следующим литературным поколениям не остается почти никакого дела и никакой заботы, кроме подражания их труду и какого-то вассальства к их убеждениям. В заносчивости подобного рода есть своя частица искренности, довольно милой. Давно ли Виктор Гюго и его поклонники хотели пересоздать драматическое искусство всего мира, давно ли Гервег с своими друзьями ополчился против старых авторитетов Германии, давно ли Жорж Санд мечтал не более не менее как о пересоздании всего общественного устройства. Издеваться над такими проявлениями заносчивости невозможно, особенно в то время, когда их время прошло окончательно. Кто-то сказал, что ничто не может быть привлекательнее юного писателя, бродящего по Парнасу с горделиво поднятым носом и несокрушимою верою в свое великое значение. Действительно, покуда молодость и заносчивость выходят из искреннего сердца, ими стоит любоваться, с ними нельзя обходиться жестоко и холодно. Но бывает другая пора, пора обветшалости и рутины, весьма часто сменяющая собой период искренней юности в убеждениях. В эту пору ценители начинают бредить устарелой новизной и видимо клониться к исключительности в теориях. Остановясь на одном известном пункте, они не хотят глядеть ни вперед, ни назад, наскоро создают себе несколько авторитетов по сердцу и, громко хваля новое поколение, не дают дороги поколению, непосредственно за ними следующему. Тут уж заносчивость ведет к рутине и ничтожеству.

Подобного рода вредные элементы отчасти еще гнездятся в наших литературных кругах, а отчасти и в двигателях новейшей словесности. Нет сомнения в том, что после Пушкина и Гоголя русская литература представила много молодых и сильных писателей, достойных великого уважения как за их дарование, так и за направление. Эти люди сделали весьма много для сближения словесности с действительностью русской жизни, разъяснили нам поэзию вседневного быта нашего, с успехом коснулись многих сторон простого мира, по мере сил своих подходили и к быту русского чиновника, и русского поселенца, и русского помещика, и русского художника, и русского ученого. Твердо держась за правду в искусстве, они служили ей с искренностью и за то награждены были общим сочувствием. Приветливо и радушно встречали они всех новых товарищей по искусству, отдавали справедливость начинающим талантам, с благородной терпимостью относились к талантам предшествующих периодов литературы. С гордостью можем сказать, что поведение лучших представителей новейшей русской словесности представляет поучительный пример и лучшее подтверждение той истины, что вполне даровитые люди всегда будут хорошими людьми и в житейских и в деловых отношениях. Но одни лучшие деятели словесности не составляют еще всего круга людей, мнения которых имеют влияние на литературные вопросы. В средних слоях новой словесности, не слишком близких к главному центру литературной деятельности, но и не совсем от него отдаленных, росли и процветали воззрения, от которых почти каждый из первых деятелей нашего периода отказался бы без всякого колебания. В этих слоях жила рутина заносчивости, рутина тем более опасная, что она вертелась на поклонении и лести новому поколению писателей. По этой рутине - русская литература началась лишь с Гоголя. Новейшие деятели ввели искусство на практический путь, дали ему вековечное направление - и мало того, в своих трудах исчерпали весь современный быт русского общества. Их труд есть труд капитальный и всеобъемлющий, за которым могут идти лишь одни перифразы, амплификации и дополнения. Нам знакома вся Россия, мы знаем быт и нравы всех классов русского общества и теперь смело можем браться за обобщения и глубокие теории. Теперь мы можем вполне отдаваться современности и важным общим вопросам, ибо приговорительный труд кончен - литература сделала свое дело, воссоздала быт русского общества во всех его подробностях.